

К 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРАЯ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ

Бесстрашный полководец, большевик Анатолий

Героическая жизнь

Помню Мотя еще юношей. В то время он работал мальчиком, изредка столярничал. Из воскресных днём аккуратно посещал школу и большую часть свободного времени просиживал над книгами. Интерес к книгам у него был огромен, желание получить образование велико, но бедность нашей семьи не позволяла ему учиться даже в низшей школе.

В 1904 году отец был взят на русско-японскую войну. Мотя остался единственным кормильцем семьи.

Запомнился мне один случай. В Томске, в здании железнодорожного управления 20 декабря 1905 года сорвался митинг рабочих и служащих. Присутствовал на нем и мой брат. К управлению шла демонстрация рабочих с красными флагами. На демонстрантов напали казаки. Черносотенцы, с благословения епископа Макария, подвесили к зданию, где происходил митинг, бочки с керосином и подожгли его со всех сторон. Это были страшные кости. Много людей погибло в огне, многие остались без глаз, с обожженными лицами. Брат спасся с товарищами через черный ход, который он знал, так как ему приходилось раньше здесь работать. Спрятавшись в дровах во дворе, он просидел там до утра.

Неоднократно он сообщал, что бывал на сходках, но никогда не рассказывал, о чём говорили и что делали там. Он был задумчив и молчалив. Уходя, обычно, говорил матери:

— Будут спрашивать, куда ушел, отвечай — «не знаю».

В 1910—1911 году мы жили на окраине города. Собрались у брата его товарищи, якобы, на ветеринку. Вместо бани привезли пишущую машинку и стали печатать провозглашения. Прокламации, вероятно, разоблачили членов секты епископа Макария (впоследствии митрополит). Я слышал, как один из товарищей сказал: «Ближайшее время мы будем глянувшись, увидел меня и прогнал из комнаты, приговаривая: «что здесь слышала, никому не говори».

До военной службы — 1914 года Мотя работал в нелегальных культурно-просветительских кружках,

В мае 1915 года его отправили на фронт. В бою он не успел побывать, — направили на курсы военных авиаторов в Москву. После успешного окончания курсов ему присвоили звание легчика.

Революция застала брата в Москве. Он сразу стал в ряды революционного пролетариата. Переехал в Томск, он в январе 1918 года был избран членом Томского совета рабочих и солдатских депутатов.

В Томске брат начинает проводить большую работу по организации Красной гвардии. К этому времени (январь 1918 года) он вступает в партию большевиков. Скоро его назначили помощником комиссара города Томска. На этой работе брат находился до падения Советской власти в Сибири.

Я помню наиболее ярко запечатлевшийся в моей памяти эпизод из жизни брата в этот период. Было это весной 1918 года. Приехал он домой обедать. Только сел за стол, как в городе раздались набатные звон.

Брат встрепенулся. Звон — явно провокационный, призывающий. В это время дня никакой церковной службы быть не могло. Мотя бросился к своей лошади, вскочил и умчался во весь опор к женскому монастырю, где трезвонили. Оказалось, монахини, не желая отдавать красногвардейцам свои предновогодние излишки, подняли переполох и созвали в монастырь много фанатически настроенных людей. Одна из монахинь, взорвавшись на колокольню, звонила во все колокола.

Монахини разыграли толпу, брачали, что большевики приехали грабить монастырь, что их надо уничтожить, ибо они антихристовы слуги.

Матвей с другим товарищами въехал во двор и стала успокаивать сбывающихся горожан, что это провокация, что никто монастырь грабить не собирается, что эти слухи распространяются врагами революции.

Н. ВОРОЖЦОВА.

Памяти Анатолия

Жил человек —

И нет человека.

Умер.

Ему не итти вперед..

Но на раскрытиях страниц века
Эонико имя его живет.

Близкое имя,

высокая слава

свежестью входит

во все этажи:

у человека осталось право,

хоть по-другому,

но все-таки жить.

Хоть по-другому, —

но вместе с живыми

в ногу шагать,

чтобы дышались ввысь

громкая слава,

звоное имя,

славное дело,

горевшая жизнь!

Чтобы в заливе солнцем раздолье
сильным порывом

врывалась весть:

если улица —

Анатолия,

то человек

— Анатолий —

есть!

Вспомни —

и сразу же в памяти встанет
волнистый образ —

это он,

как в ореоле,
стоит в полыханиях
боевых партизанских знамен.

Дальше —
вспоминаются годы подполья,
годы, отнявшие отдых и сон.

Кличка партийной

— Анатолий —

это оттуда вынес он.

Это он,
когда псы Антанты
родину грызли со всех сторон,
сам водил

на белые банды

пятый стрелковый

батальон.

Но теперь

он не встанет с нами

под барабаны

занеманный шелк,

хоть над нами

полошется знамя

то, с которым

он в битву шел.

Он не встанет,

но долгая слава

свежестью входит

во все этажи:

борцы после смерти

имеют право,

хоть по-другому,

но все-таки жить!

Иван ИОСТ.

гор. Барнаул.

Двадцать два боя провела мы вместе с Анатолием, — нашим боевым командиром, чутким товарищем, стойким большевиком.

Как живой он стоит сейчас передо мной. Небольшого роста, в кожаной куртке и в лиху заломленной назад черной папахе. Подвижность, молниеносная способительность, бесстраш-

ние, неиссякаемая энергия, суровость врагу и теплота в обращении с товарищами — вот характер Анатолия. Он был любимец партизан. Почти безоружные онишли за ним в бой на превосходящего врага. Анатолий верил в победу и эту непоколебимую веру умел всплыть в сердце каждого..

Помню несколько боевых эпизодов,

1. Нападение на каратель

Нам стало известно, что в карательном отряде, расположившемся в деревне Саланский рудник, нарастает волнение. Солдаты высказывают недовольство, Анатолий настойчив на том, чтобы повести наступление на Саланы.

— Надо уметь использовать каждую, хотя бы незначительную, слабость врага и бить его беспощадно, — говорил он.

Предстояло форсированное марширование 60 километров без дороги, через тайгу, через реку. На второй день в обед мы подошли к Саланам.

Монахини решили беспощадно расправиться с большевистскими комиссарами и, закрыв главные ворота, наравили толпу на комиссаров. Сергей — друг Моти — был растерзан, а брат со вторым товарищем с трудом ускользнули от расправы озверелых «христиан» в запасную калитку, выходившую на Симоновскую улицу. Опять брата спасла его старая профессия: эту калитку он помнил еще со временем, когда ему здесь приходилось работать мальчиком.

В этот же день город был объявлен на военном положении.

Четыре дня Мотя не появлялся днем. Все это время и днем и ночью он работал по ликвидации поповского

2. Бой под Канадаихой

Мы срочно собрали заседание штаба. Анатолий предложил смелый план. Он настаивал на немедленном выступлении с тем, чтобы не допустить соединения вражеских групп.

— Бить будем их внезапно и по частям. Победа будет за нами!

Штаб остановился на этом плане.

Тогучинский отряд колчаковцев занял Канадаиху и двинулся к деревне Жу-

Дело было у моста

РАССКАЗ

С деревянным сундучком из плеч в отряд береговой охраны моста прибыл солдат лет 27. Он поставил сундучек на пол канцелярии, козырнул дежурному, и по-военному отчеканил:

— Прибыл в ваше распоряжение по особому приказу штаба военного округа. Имею личное письмо к господину унтер-офицеру Шишкуну. Разрешите его повидать.

— Обожди!

Солдат присел на сундучек и завернулся папиросу из клочка газетной бумаги.

— Кури на улице.

— Слушаюсь.

Взял сундучек и вышел с ним на крыльцо.

Жарко. Солдат оттер грязным рукавом гимнастерки пот со лба, сплюнул на землю.

Из-за угла вышел унтер. Солдат встал, вытянулся и отрапортовал:

— Имею личный пакет для вас, господин унтер-офицер.

Даже не взгляну на солдата, взял пакет и прошел в канцелярию. Сухо дал какое-то распоряжение дежурному и коротко бросил солдату:

— Оставь добро здесь, сам или за мной.

Снова вышли на улицу, прошли каузанчики, и впереди.

— Сядись! Не торчи из глазах у всех.

Разорвал пакет и быстро пробежал глазами по мацемному листку бумаги,

— Еще есть?

— Есть.

Солдат вытащил из-за голенища крохотный кусочек папиросной бумаги и подал унтеру. Тот бережно развернул его, прочитал, а затем изорвал в клочки, скатал в шарик и каждый посыпал и разбросал их по траве.

— Вечером получишь от меня список тех, с кем можешь разговаривать. С остальными остерегайся. Больше всего избегай сегодняшнего дежурного... Видеться будешь через день там, где я указу. Как твоя фамилия?

— Семенов Степан.

— Иди в казармы.

Через час новый солдат был зачислен на довольствие, имел свою койку и до вечера был свободен. Ночью его направили в наряд к мосту.

Семенов лежал на лужайке, у самого обрыва к Оби. Слева железнодорожный мост, огражденный кольцом проволокой, сзади кусты, а впереди широкая лента серовато-мутной Оби, бесконечные луга, поросшие тальниками, с голубоватыми пятнами озер. За ними кротко взымаются вверх высокий песчаный берег, словно зеленой шапкой, затянутый сосновым лесом.

Семенов лениво завернулся пыжарку, подал кисет двум молодым солдатам, лежавшим тут же на траве.

— Погодка.. В деревне у нас сейчас сезоны убирают.

— Ты откуда? — спросил солдат.

— Из-за Чумы.. Травы ныне у нас...

— А из Чумы? — вздохнул солдат.

— Подаю сюда, — вздохнул солдат.